

ТАТУИРОВКА ПТИЦЫ

Дунья
Михаиль

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.411.21
ББК 84(5)
М69

Dunya Mikhail
THE BIRD TATOO

لي ئايخيم ايند رئا طالا مئو

Copyright © 2020 by Dunya Mikhail
This edition is published by arrangement with Johnson &
Alcock Ltd. and The Van Lear Agency
Во внутреннем оформлении использована
иллюстрация:
© Nadezhda Molquentin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с арабского *Виктории Зарытовской*

Михаиль, Дунья.
М69 Татуировка птицы / Дунья Михаиль. — Мос-
сква : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-193892-5

Элин — молодая ездка, живущая с семьей в горной деревне в Синджаре, на севере Ирака. Кажется, затерянная в горах деревня находится далеко от политических дрязг и время в ней замерло. Но эти иллюзии рушатся, когда муж Элин, журналист, внезапно пропадает без вести. Жестокая Организация распространяет по стране свое влияние, проникая даже в самые отдаленные ее уголки, а участники прикрывают насилие религией. В поисках мужа Элин сама попадает в плен, а затем — на рынок рабов.

Удастся ли ей воссоединиться с семьей?

Элин предстоит не только сбежать и отыскать мужа, но и спасти своих сыновей, которые стали участниками этой Организации.

УДК 821.411.21
ББК 84(5)

© Зарытовская В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-193892-5

*В романе вы обнаружите
далеко не случайные совпадения
с судьбами реальных людей,
живущих рядом*

НОМЕР 27

Члены этой Организации отбирали у пленниц ценные вещи, в том числе их обручальные кольца. Обручальное кольцо Элин, собственно, не было кольцом. Знаком ее замужества была татуировка на пальце в виде птички. Она разглядывала ее, в то время как громко объявили: «Двадцать семь! Номер двадцать семь!» Элин пока не догадывалась, что это ее номер. Когда разгневанный голос повторил номер еще раз, она подумала, что рассердила их тем, что вышла из строя и подбежала к Амине. Она сначала глазам своим не поверила, когда заметила в другом конце зала подругу детства. Амина же так и застыла, раскрыв рот от неожиданности. Женщины, расплакавшись, успели обняться на какие-то доли секунды, прежде чем прогремел оглушительный приговор: «Двадцать семь — на продажу!» Мужчина указывал свободной рукой на Элин. Другой рукой он обхватил картонную коробку с мобильными телефонами пленниц. «Оставьте ее!» — вскричала Амина. Но едва ли ее кто услышал. В это время

мобильные в коробке, дребезжа, разрывались от звонков встревоженных родственников, которые никак не могли дозвониться до абонента.

Мужчина, одетый в длинную, почти до колена, рубаху черного цвета и штаны, подвернутые по щиколотку, пихнул Амину, и та упала. Элин наклонилась было, чтобы помочь ей подняться, но мужчина схватил ее крепко за плечо и потянул за собой в другое помещение. Он затолкал ее внутрь с такой силой, что она споткнулась и осталась сидеть на полу. Дверь захлопнулась. Комната оказалась набита женщинами — все с поникшими головами и с прикрепленными к одежде бейджиками, на которых написан номер. Так далеким планетам не дают имен, только присваивают числовые значения. Только у одной из женщин, той, что сидела за письменным столом, не было номера. Она вручила Элин какую-то бумагу со словами: «Свидетельство о браке. Твой муж скоро придет и заберет тебя». Элин вернула ей документ, не читая.

— Я замужем, — произнесла она.

— Абу Тахсін приобрел тебя онлайн. Он уже на полпути сюда, — прошипела женщина.

Элин и вообразить не могла, что где-то мог существовать невольничий рынок, где торгуют женщинами, и не поверила бы, что нечто подобное имело место, если бы не стала свидетелем этих событий. Большое потрясение вызвало у нее то, что рынок размещался в здании школы,

которая называлась, как гласила вывеска, растянутая над входом, «Цветы Мосула». Это была типовая школа, точно такая же, в какую они ходили с братом-близнецом Аза́дом. Директриса их школы, строгая госпожа Ильха́м, недоуменно переспросила бы, подумав, что ослышалась, если бы ей сказали, что школы станут центрами торговли женщинами. Госпожа Ильхам считала всех, кто надувал жвачку, лоботрясами, даже если лопать пузыри втихаря на переменке. Поэтому брату Элин она частенько устраивала выволочку, когда заставала его на школьном дворе «с этой дрянью во рту». Азад наивно полагал, что жвачка — сладость вроде тех, что другие ребята уплетали за обе щеки в перерывах. Азад стоял напуганный в кабинете директрисы. Она могла отходить его линейкой по пальцам, как не раз делала, воспитывая нерадивых учеников, заходивших в класс после звонка. Дети должны были занимать свои места до того, как войдет учитель, и вставать при его появлении в знак уважения. Но Азад, к своему изумлению, обнаружил, что в конце устроенного ему допроса директриса расплылась в улыбке, когда услышала, где он достал жвачку. «Передавай привет дядюшке Мураду! И скажи профессору, что жвачка в школе запрещена. Ну, теперь ступай в класс».

Это помещение и было, скорее всего, прежде директорским кабинетом. Теперь за столом сидела деловитая женщина без номера, оформ-

лявшая сделки, в которых предмет купли-продажи — пленницы. «Вот в это переоденься! Скоро фотограф подъедет», — обратилась она к одной из них и протянула ей пакет. В голове у Элин никак не укладывалось — настолько абсурдный комплект одежды здесь выдавали. Сначала женщины должны были облачиться в черный никаб¹, полностью их скрывающий и оставляющий лишь щели для глаз, а затем, перед фотографом, позировать в нижнем белье — эти снимки выкладывались в сеть, когда их выставляли на торги. Фотограф, прежде чем щелкнуть, сделал Элин замечание, чтобы она утерла слезы.

Стащив учительские столы из классов на школьную площадь, где по утрам каждый четверг педагоги и ученики торжественно водружали флаг, члены этой Организации устроили смотр юношей, чтобы отобрать годных в тренировочный военный лагерь. Сейчас на флагштоке развевался не иракский флаг, а черное знамя, и звучал не гимн Ирака, а нашид² Исламского Государства³.

За три месяца, проведенные в плену, Элин уяснила, как устроен этот странный рынок. Когда ее на время забирали в соседнюю комнату,

---

¹ Никаб — женский головной убор, закрывающий лицо, с прорезью для глаз.

² Нашид — мусульманское мужское песнопение.

³ Исламское Государство — ИГИЛ (Исламское Государство Ирака и Леванта [Великой Сирии, включающей кроме Сирии Ливан, Палестину, Иорданию]), запрещено в РФ.

а затем, после надругательства, сразу возвращали обратно, это означало, что покупатель, получив кратковременное удовольствие, просто повертел товар в руках и вернул его на полку. Но если товар брали, то по факту оплаты составлялся договор с печатью Исламского Государства. Элин было больше тридцати, и ее цена, согласно прейскуранту, начиналась с 75 долларов. Невольницу разрешалось сдать в аренду, временно уступить кому-то, а затем потребовать обратно. Покупатель вправе был также вернуть ее продавцу, обменяв на другую. Тогда Элин снова выставляли на продажу. Один из ее держателей продавал ее каждый раз, как нуждался в деньгах, затем выкупал. Но в итоге отвез к продавцу, объяснив: «Она во сне визжит так, будто одержима джинном!»

В один-единственный класс той мосульской школы согнали сто двадцать женщин. Входящий мог, обведя всех взглядом, сразу определить, которую насилуют чаще остальных. Такие женщины все были в синяках. Чтобы обмануть охрану, некоторые пытались спрятаться за чужими спинами. Но их не проведешь. Ночью, когда торги приостанавливались, охранники являлись в класс и хватали тех, на кого положили глаз, чтобы удовлетворить свою похоть. Они сдвигали стулья и истязали женщин по очереди на глазах у ожидающих своей участи пленниц. Именно по взглядам, которыми жертвы обменивались с Элин во время этих экзекуций, она их различала и узнавала их характер, и они становились ей все ближе. Женщины говорили глазами и понимали друг друга через слезы.

Однажды одна из пленниц, когда средь бела дня ее подвергли групповому изнасилованию, возопила: «Хватит! Над своими матерями и сестрами вы такое позволите творить?!» Охранник тут же ударил ее об стену, и та обмякла. Другая подскочила к обидчику, выкрикивая что-то сбивчиво, и харкнула ему в лицо. Элин сделала то же самое — плюнула в того из них, что стоял ближе к ней. За ней повторила другая, и скоро все они ополчились оплевывать насильников с ног до головы. Охранники сначала оторопели от такого массового неповиновения, но затем бросились колотить невольниц изо всех сил. Вскоре в классе наступила тишина. Мужчины то ли выдохлись, то ли осознали, как низко пали. Один за другим они покинули класс. Пленницы обменялись ободряющими взглядами, словно поглаживая друг друга по плечам, на которых остались ссадины и подтеки. Некоторые женщины последующие дни пролежали пластом.

Молчание — это третий язык, помимо арабского и курдского, на котором общались пленницы. Самая младшая из них, десятилетняя Лейла, по-арабски знала только как будет «обыск». Она выучила это слово, так как каждый раз, когда в комнату заходила надсмотрщица и командовала: «Тафтїш!», они выстраивались в линию, и их ощупывали — не припрятаны ли острые предметы у них под одеждой. Обыск проводили чуть ли не каждый день, так как случаи самоубийств среди пленниц участились, а в Организации никак не могли докопаться, чем же женщины перерезают себе вены на руках, чтобы покончить с жизнью.

Рейхана пыталась удавиться скакалкой, которую нашла в углу зала, точнее, спортивного зала, ведь здесь была школа. Скакалка, видимо, была из остатков инвентаря. К ней вовремя подбежала надсмотрщица и высвободила шею из петли. Сначала спасла ей жизнь, а затем отхлестала этой же скакалкой. Это та, что их обыскивала и первую неделю задавала каждой одни и те же вопросы: «Замужем?», «Когда последний раз была менструация?» Тогда какая-то из женщин возмутилась: «Зачем вам?!» Другая тоже взбунтовалась: «К чему эти расспросы?» — «Да! К чему?» — уставилась на нее третья. Надсмотрщица пробурчала, попятившись назад: «По законам Исламского Государства беременных продавать запрещено».

Рейхана должна была, согласно установленному Организацией преискуранту, достаться боевикам задаром, так как ей было за 50, и только в личное пользование. Однако потухший взгляд, с которым она вернулась через некоторое время, говорил о том, что некоторые из последователей Организации нарушают законы своего Государства. «Мама Рейхана» — так стала называть ее Лейла после той черной ночи на второй неделе своего пребывания здесь, когда девочку затолкали в комнату к женщинам голой, стонущей от боли и унижения. Вслед зашвырнули ее одежду. Сидевшая рядом пленница подобрала одежду и принялась одевать Лейлу, приговаривая: «Господь отомстит им за ребенка. Воздаст за всех нас». Она говорила на курдском,

поэтому надсмотрщица ничего не поняла. Рейхана работала на кухне, ей удалось пронести таз с водой, и она осталась сидеть над девочкой всю ночь. Лейла, которую лихорадило, изредка приходила в себя и видела, как Рейхана смачивала полотенце и прикладывала ей на лоб компресс. Она смотрела на Рейхану полными признательности и грусти глазами. Рейхана говорила только по-арабски и просила Элин переводить, когда общалась с Лейлой. Но получалось не всегда. Нужно было, чтобы в этот день ни одну из них не забрали насиловать. Ведь после такого никому не хочется разговаривать. Женщин вводили и выводили в полной тишине, которая нарушалась, только когда один из боевиков приветствовал другого. Их голоса звучали как резкая нота, диссонирующая с разлитой в воздухе мелодией поминальной песни.

Через Элин Рейхана узнала, что Лейла не видела родных с того самого дня, как мать заплела ей косу и они вместе с другими жителями поселка отправились в сторону горы. Лейла обрывала на этом рассказ, но все знали, что случилось дальше. Что женщин отделили от мужчин, детей оторвали от стариков, девочек старше девяти разлучили с семьями.

После того как Рейхану обнаружили мертвой, Лейла совсем перестала говорить, даже с Элин. У Рейханы не было никакого острого предмета, и веревки тоже не нашли. Никто не мог понять,

как она умерла. «Горе убило ее», — сказала одна из пленниц. По щекам Лейлы потекли слезы. Элин присела рядом с ней, обняла и разрыдалась. Она держала девочку в своих объятиях так крепко, как могла, несмотря на боли в спине от побоев Абу Тахсина, вернувшего ее на днях обратно. Элин расчесывала Лейле волосы, а сама вспоминала, как Абу Тахсин вез ее в свой дом в Алеппо и как ее вырвало прямо на него во время сношения. Ее тошнило всю дорогу, так что она еле дотянула до дома. Абу Тахсин ударил ее палкой по спине. Она потеряла сознание, а дальше все как в тумане. Очнулась в больничной палате под капельницей. Медсестра протянула ей таблетку и подала стакан воды.

— Как самочувствие? — спросила она.

Элин заплакала:

— Я не местная. Умоляю, верните меня домой в Ирак.

Озираясь, медсестра прошептала:

— Как я могу вам помочь?

— Выведите меня отсюда, просто выведите на улицу.

— К сожалению, я не могу этого сделать. Вы хотите связаться с родными по телефону? Они вас заберут.

— Да. Дай Бог вам всего...

— Когда будет обеденный перерыв, я приду в палату с мобильником. — Посмотрев на часы, она добавила: — Через полтора часа.

Элин отсчитывала про себя девяносто минут и думала, чей номер вернее набрать. «У Элиаса забрали телефон сразу. Он не отвечает с тех пор, как попал в плен. Амина тоже пленница теперь,